

—...

Очевидно, эти слова прозвучали слишком вызывающе, потому что Лян Циншу на мгновение опешил.

— Юй Шэнь? — только спустя пару секунд он вернул себе былое самообладание и смерил соперника оценивающим взглядом. — У тебя проблемы с китайским? Если не умеешь подбирать слова, я могу тебя поучить.

Юй Шэнь и впрямь порой недопонимал тонкости чужого языка. Правильно ли он выразился, его не волновало — в конце концов, какая разница? Сейчас имело значение лишь одно: примет ли Лян Циншу вызов. Без этого выбраться из ловушки, в которой он оказался, было невозможно.

— Всё правильно, это моё условие, — ответил Юй Шэнь, глядя прямо ему в глаза. В его голосе зазвучали откровенно провокационные нотки: — Или ты боишься?

— Подумаешь, великое дело, — Лян Циншу снисходительно усмехнулся, но тут же недовольно нахмурился. — Кстати, тебе не кажется, что мы стоим слишком близко?

На самом деле между ними оставалась вполне приличная дистанция, просто теперь они не выглядели как чужие люди, избегающие любого контакта. Однако Лян Циншу почему-то упрямо не желал мириться с подобным сближением — казалось, само пространство вокруг них наэлектризовалось от негласного противостояния.

Юй Шэнь, увлечшись разговором, даже не заметил этого, но вежливо отступил на шаг назад.

Лян Циншу развернулся, сорвал с крючка на стене форменный пиджак и небрежно набросил его на плечи.

— Идёт. Но у меня есть условие: правила устанавливаю я. — Он выдержал паузу и добавил: — Не переживай, раз уж преимущество на моей стороне, я сделаю тебе поблажку.

— Поблажку? — Юй Шэнь усмехнулся. — И в чём же она будет заключаться? Накинешь мне сверху пять баллов?

Лян Циншу окинул его взглядом и, проявив редкое терпение, пояснил:

— Почему бы и нет. Например, если сыграем вничью.

«Уступить при равном счёте? Какое поразительное великодушие», — подумал Юй Шэнь.

Конечно, тон председателя всё ещё оставался высокомерным, но это уже было мелочью. Юй Шэнь внутренне готовился к тому, что соперника придётся принуждать силой, а тот согласился без лишних споров.

— Ну так что, согласен? — нетерпеливо спросил Лян Циншу.

— По рукам, — кивнул Юй Шэнь. Раз уж тот проявил уступчивость, упорствовать не имело смысла. — Пусть правила будут твоими.

Уладив этот вопрос, Лян Циншу достал из кармана телефон и связался с дежурным преподавателем Нового кампуса, чтобы вкратце обрисовать ситуацию.

Как рассказывал Ю Сань, во время Студенческих войн любой учитель автоматически становился арбитром и распорядителем. Стоило ученикам изъявить желание сразиться, им нужно было лишь направить официальный запрос ближайшему педагогу.

Поскольку дело происходило на ипподроме, состязаться решили в верховой езде. Конкретную дисциплину, согласно уговору, выбирал Лян Циншу.

Слухи о поединке разлетелись мгновенно. С одной стороны — загадочный новичок, который в первый же день спас тонущий в долгах Старый кампус, с другой — признанная гроза Нового кампуса. Поглазеть на зрелище сбежались не только возбуждённые школьники, но и свободные от дежурства преподаватели. Среди зевак мелькнуло даже лицо Гао Синцзяня, учителя физкультуры из класса Юй Шэня. К счастью, оценивать выступление предстояло профессиональным тренерам ипподрома, так что физрук остался лишь в роли зрителя.

Лян Циншу остановил свой выбор на конкуре с элементами кросса. Преодолевать препятствия на открытой местности куда сложнее, чем в крытом манеже, но зато такое состязание выглядит намного зрелищнее и динамичнее.

Турнир должен был пройти на большой внешней арене. Перед стартом соперникам выделили по пятнадцать минут на подготовку: пять на переодевание и десять на выбор скакуна.

Поскольку Юй Шэнь оказался здесь впервые, он решил не рисковать и по совету одноклассников выбрал надежного серого мерина. Говорили, что за все годы работы клуба этот конь ни разу не понёс и не испугался — даже под самыми неопытными всадниками он шёл ровно, словно скала.

Определившись с лошадью, Юй Шэнь облачился в тёмно-синий редингот и высокие кожаные сапоги. Его безупречная, статная фигура мгновенно привлекла восхищённые взгляды.

— Мамочки, какой красавец! — тихо ахнула одна из старшекласниц. — Ну почему у нас турнир по конному спорту, а не конкурс красоты? Мы бы его в два счёта выиграли!

Остальные девочки дружно закивали, полностью разделяя её восторг.

Пятнадцать минут пролетели незаметно. Лян Циншу подготовился быстрее: он приехал на ипподром уже в бриджах и сапогах, поэтому переодевание не заняло много времени. Когда Юй Шэнь вывел своего мерина под уздцы на манеж, его соперник уже сидел в седле, пустив коня лёгким шагом по кругу.

Лян Циншу тоже переоделся — его парадный редингот благородного винного оттенка идеально сидел по фигуре. Сидя на коне, он лениво покручивал в руках тонкий чёрный хлыст.

Юй Шэнь бросил на него короткий взгляд. Говорят, верховая езда лучше любого другого спорта расправляет плечи и подтягивает мышцы. Глядя на председателя, спорить с этим утверждением не хотелось.

В седле Лян Циншу выглядел куда более эффектно и броско, чем давеча в раздевалке. Осанка, разворот плеч, посадка — всё складывалось в безупречную линию, гармонирующую с мощным силуэтом породистого скакуна и подчёркивающую идеальные пропорции тела. И если правильную посадку можно натренировать упорным трудом, то природный аристократизм и неуловимое изящество манер купить невозможно. Лян Циншу обладал ими от рождения.

Юй Шэнь отвёл глаза. Конный спорт всегда требовал страсти и азарта, а сильный, амбициозный соперник лишь разжигал в крови глухое упрямство и желание победить. Кажется, именно сейчас он наконец начал понимать, в чём прелесть этих Студенческих войн.

Тем временем среди болельщиц Старого кампуса наметился раскол.

— А председатель-то тоже ничего, а? — тихонько шепнула одна из них.

— И не говори. Какая осанка, какие ноги... Ох, завидую белой завистью, мне бы такую фигуру.

— Они с Юй Шэнем прямо как лёд и пламень. У каждого своя прелесть.

— И что тут хорошего? — Фан Тин, до этого молча слушавшая их перешёптывания, резко прервала подруг: — Вы чего это распелись соловьями перед Новым кампусом?! Да он же коротышка! Просто в седле этого не видно!

Девочки притихли, не зная, что ответить на такой выпад.

Фан Тин воинственно вскинула подбородок, и спорить с ней никто не решился. Над трибуной

повисла неловкая пауза. К счастью, затянуться ей не дал стартовый гонг. Забыв о перепалке, зрители затаили дыхание и устремили взгляды на арену.

Судья объявил начало соревнований. Первым на дистанцию вышел Лян Циншу.

Маршрут состоял из семи барьеров разной высоты, ширины и конструкции. Здесь были собраны практически все классические трудности конкур, требующие от всадника предельной точности.

Однако для Лян Циншу, сидевшего в седле с раннего детства, эти препятствия не представляли особой сложности. Едва зайдя на рабочий круг, он выслал коня вперёд и с безупречной уверенностью взял первый барьер. Его мастерство было неоспоримым.

В отличие от покладистого мерина Юй Шэня, под Лян Циншу был горячий, своенравный жеребец. Справиться с таким буйным зверем новичку не под силу — здесь требовалась железная рука опытного наездника. Тем не менее председатель держался великолепно, приковывая к себе взгляды каждым прыжком.

Пройдя первую точку, конь под Лян Циншу почувал волю и помчался во весь опор. Каждый последующий барьер казался опаснее предыдущего — всадник словно дразнил судьбу, проходя трассу на грани фола. Зрители то и дело вздыхали от страха и восхищения. Но грация летящего над барьерами скакуна и абсолютное, почти небрежное хладнокровие Лян Циншу рождали невероятное по красоте зрелище, срывавшее бурные овации при каждом чистом прыжке.

Впрочем, Юй Шэнь не уступал ни на йоту.

Его езда не будоражила кровь безумным риском, но подкупала академической точностью и благородной эстетикой. Под стать всаднику его серый мерин двигался сдержанно и плавно. Мощный корпус лошади напоминал ожившую античную скульптуру. Прыжки выходили мягкими и выверенными — конь взмывал в воздух без видимого усилия, демонстрируя безупречную гармонию силы и пластики. Это было зрелище совсем иного толка, завораживающее своей безмятежной уверенностью.

Когда Юй Шэнь завершил выступление, наступил самый волнительный момент — судейский вердикт. Оба соперника уже спешили и увели лошадей. Они стояли по разные стороны финишного створа, а за их спинами сплотились группы поддержки своих кампусов, в напряжённом молчании ожидая решения арбитров.

Однако главный судья, один из старейших тренеров клуба, явно медлил. Он отлично знал Лян Циншу — ведь в безупречную технику председателя было вложено немало и его собственных трудов. С другой стороны, Юй Шэнь, по слухам впервые севший на эту лошадь, продемонстрировал такое глубокое понимание животного и столь безупречную посадку, что это не могло не вызывать искреннего уважения. Довести базовые элементы до абсолютного совершенства — редкий и ценный талант.

Перед старым тренером встала нелёгкая дилемма: судить строго по фактам или всё же подыграть молодому господину Ляну, чтобы не портить тому настроение?

Колеблясь, он поднёс к губам рупор:

— Что ж... выступление ученика Юй Шэня было превосходным. Однако в том, что касается... взаимодействия всадника и лошади...

В его словах сквозила явная предвзятость. Юй Шэнь слегка прищурился, мгновенно уловив фальшь.

Но договорить судье не дали.

— Учитель Ли.

Пока пожилой арбитр мялся, не решаясь огласить предвзятый вердикт, Лю Пэй, который всё это время держался поблизости от Лян Циншу, решительно подошёл к судейскому столику и что-то негромко шепнул тренеру на ухо.

<http://bllate.org/book/19712/2000765>